

Беляев И.А., Максимов А.М.Оренбургский государственный университет
Оренбургский государственный аграрный университет
E-mail: igorbelyaev@list.ru, maksimov55@mail.ru

СВОБОДА ЦЕЛОСТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена исследованию свободы человека как личности, реализующейся в обществе. Опираясь на альтернативные взгляды философов различной мировоззренческой ориентации, авторы исследуют социальную свободу в связи с процессами освоения и отчуждения, установления и преодоления границ, с особенностями, присущими человеку, обществу и связям между ними.

Ключевые слова: человек, свобода, общество, личность, социально-личностное измерение.

В своих исследованиях мы исходим из того, что свободе человека как целостного существа свойственно наличие природных, социальных и духовных составляющих, доминирование которых определяет специфику ее различных форм. Целостность выступает исходным основополагающим принципом существования всех частных по своей сути форм свободы, а потому при определенных условиях между ними появляются и проявляются единство и тождественность. В многообразии связей и отношений человеческого «Я» с «иным» состояние полной (а точнее – тяготеющей к полноте) свободы индивида обнаруживается лишь время от времени, только в момент снятия противоречий самобытия и инобытия и, едва появившись, обычно вскоре исчезает. Свобода же, взятая в социально-личностном измерении, то есть социальная свобода, будучи не только частичной, но и довольно-таки самодостаточной и поэтому, видимо, обладающая некоторой относительно высокой устойчивостью, представляет собой как процессуальную, так и результативную характеристику совместной жизни индивидов.

С религиозно-философской точки зрения общество есть своеобразный организм, обладающий особой душой, душой народа, которая либо подчиняет себе души отдельных людей полностью или же частично, либо является соборной величиной. В противовес этой позиции материалисты и позитивисты отказывают обществу в статусе персонифицированного организма, усматривая в нем нечто системно-интегрирующее, охватывающее собою людей как эмпирических индивидов. В контексте обозначенных альтернатив социальную свободу допустимо признать проблемой социальной психологии как учения о душе народа: «Я», душа народа

выражает себя через «не-Я», души других народов. Наряду с этим социальная свобода есть отражение самосознания общества. Свобода целостного человека, выступающего в ипостаси социального индивида, иначе говоря – личности, во многом зависит от свободы общества, это с одной стороны. С другой стороны, сама свобода общества проистекает из суммативной свободы своих членов. И то, и другое можно обосновать достаточно корректно, что наглядно свидетельствует о логико-гносеологической неопределенности содержания понятия социальной свободы.

Если рассматривать свободу индивида как целостного существа предельно обобщенно, то приходится признать, что она, как и иные проявления его подлинно человеческих свойств, возникает при благоприятном сочетании и взаимодействии многочисленных факторов. Что же касается социальной свободы, то она основывается преимущественно на согласовании индивидуальных свобод личностей – членов конкретных человеческих общностей. Ядром социальной свободы зачастую выступает какая-либо одна конвенционально признанная свобода избранной личности, вождя. Когда общество переживает сильнейшие потрясения, когда оно охвачено стихией катастрофического разрешения разнородных и разнохарактерных противоречий, особо одаренные личности благодаря присущей им целостности и исключительно высокой социальной активности оберегают его от непоправимых разрушений, подобно тому, как умелые моряки в самый страшный шторм удерживают свой корабль на плаву. Они могут быть хранителями традиций или же, напротив, первооткрывателями новых векторов становления социального целого. Именно такие личности оказываются

способными к установлению и преодолению границы самобытия и инобытия. Всему мятущемуся и беснующемуся они противопоставляют уверенность, покой и хорошо продуманные, целенаправленные действия.

Свобода человеческого существа представляет собой сплав личностной, групповой и общечеловеческой свобод. За счет приобщения индивидуальной воли к совокупной воле группы, класса, нации возможности человека вобретении свободы расширяются, порой весьма значительно, тут нет никакого сомнения. Но, наряду с этим, свобода выступающего как личность человека ограничивается собственно социальными видами свобод. Причем, как отмечает Э. Мунье, свобода «для всех членов общества может подорвать свободу некоторых из них» [6, с. 7]; в данном случае какие-либо основания для сомнений также отсутствуют.

Имеет смысл обратить внимание на роль государства в становлении свободы индивида. Роль эта неоднозначна, в связи с чем относительно ее сути существует множество заметно различающихся, часто альтернативных позиций. Т. Гоббс, например, полагает, что свободу человека способно обеспечить только государство с абсолютными правами [3]. В рамках концепции Ж.-Ж. Руссо свобода человека оказывается реальной только в рамках общественного договора, основанного на соглашении, на единодушии всех частей и элементов социального целого. «Невозможно, – пишет он, – чтобы правительство посягнуло на свободу, пока оно действует только в интересах общественного блага, ибо в этом случае оно лишь выполняет общую волю, и никто не может считать себя поработленным, если он подчиняется только своей собственной воле» [8, с. 423]. Государство же, в рамках которого власть и закон слиты воедино, находится над человеком и несет ему, по Руссо, отчуждение.

Далее надо вспомнить о том, что человеческий индивид – это не просто грань заведомо непостижимого в своей целостности Мира, а микрокосм, в явной и неявной форме содержащий в себе всю его многореальность. Причем значительное число свойств человека как целостного природно-социально-духовного существа возникает и эффективно развивается только в условиях его взаимодействия с социальными целостностями, в которые вписана его личность. К числу таких целостностей относятся семья, социальная группа, нация. Характер этого взаимодействия раскрывается как соотношение единичного и

особенного, применительно к которым общим выступает совокупность реалий социокультурной действительности. В свою очередь, взятые как целостности, реалии социокультурной действительности (как, впрочем, и она сама по себе) тоже не статичны; представляя собой развивающиеся и изменяющиеся образования, они могут существовать только в состоянии динамического равновесия.

Все возможные состояния свободы человека обуславливаются ее многогранностью: внутренней и внешней, политической и экономической и т. д. Изначально-сущностно человек наделен богатым внутренним миром и ориентирован на универсальность и целостность. Но воплотить свои внутренние потенции в жизнь он способен только при наличии реальных контактов с другими людьми, индивидами и их общностями.

Если соотнести места, которые личность занимает в тоталитарном и демократическом обществах, то, несмотря на бесспорные принципиальные различия, между ними обнаружится общее – дозирование индивидуальных свобод и принуждения, которое появляется и воспроизводится благодаря взаимодействию индивидуально-субъективного и наиндивидуально-объективного начал социального целого. Г.В.Ф. Гегель, анализирующий проявления человека в социальной сфере как в мире законов, полагает совершенным такое его поведение, которое «можно скорее назвать склонностью действовать так, как следовало бы по подлинным предписаниям закона, единением склонности с законом, благодаря чему последний теряет свою форму закона» [2, с. 109].

Обращая внимание на огромную роль авторитета применительно к становлению социальной свободы, Гегель отмечает: «Мышление знает себя свободным не только по форме, но и с точки зрения содержания. Однако свобода в мышлении не есть свобода без авторитета. Мышление обладает определенными принципами, которые, правда, суть его собственные принципы, и к ним оно сводит все; однако сами эти принципы подвержены развитию. Каждое время имеет свои принципы, и в них заключен для него авторитет» [2, с. 384]. Немецкий мыслитель подчеркивает, что убеждение всегда начинается с внешней стороны: с обучения, урока, авторитета. По существу же оно есть погружение духа внутрь самого себя. Исследуя свободу во взаимодействии с авторитетом, Гегель ведет

речь о двух ее видах: формальной свободе, разрушающей любые авторитеты, и реальной свободы, удовлетворяющей человека по сути и тоже разрушающей авторитеты. Эти виды свободы взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

Социальную свободу допустимо рассматривать как процесс и результат актуализации людьми своих возможностей, интересов, желаний. При их сколько-нибудь ощутимом несопадении с сакрализованными идеальными образцами должного и достойного свобода довольно-таки легко переходит в свою противоположность – несвободу, проявляющуюся в виде чувства раздражительности, неудовлетворенности. Причины такого состояния с необходимостью оказываются либо внутренними, либо внешними. Недовольство человека самим собой может служить предпосылкой для его дальнейшего совершенствования и развития, а недовольство бытием только внешнего порядка нередко воплощается в заведомо бесплодном брюзжании.

Безусловно, целостность социума, его развитость и совершенство внутренней организации процессов актуализации потенциалов его компонентов представляют собой сравнительно благоприятные основания для проявления свободы. Целостность полагает «нечто», в том числе человека и его социальный мир, в качестве Универсума, содержащего в себе «иное» в снятом виде. Так, социум и Универсум сняты в человеке как личности, человек и Универсум – в социуме; Универсум же изначально содержит в себе человека и социум в качестве потенциальной возможности их проявления.

Можно сказать, что в социуме Универсум онтологически развернут в систему общественных отношений, в которых материальное и идеальное слиты. В данном случае принципиально неважно, что на самом деле является субстанцией общественных отношений: разделение ли труда, общественное производство, практика или же что-то другое. Существенна лишь актуально-потенциальная надприродная человекоразмерность этих отношений, которая воплощается в нравственных принципах человека и одновременно в его смысложизненных исканиях.

В сфере же одного только социума свобода в единстве моментов отчуждения и освоения обнаруживается как стремление индивида к самораскрытию своей человеческой ценности для других людей и одновременно к самоизоляции от них. Социальный мир развертывается вовне как целостность, состоящая из людей, в какой-

то мере комплементарных друг другу. Комплементарность социума принадлежащим к нему индивидам предметно закрепляется в присущих им социальных связях, каждая из которых имеет материальные и идеальные стороны.

Свобода как мера отчуждения и освоения воплощается в культуре, ограничивающей их экспансию, в такое видение Мира, где активность человека уравнивается его ответственностью за процесс и результат своей деятельности, осторожностью и взвешенностью принятия решений. Иными словами, отчуждая и осваивая доступные фрагменты действительности по ходу своей деятельности, человек непременно должен учитывать и хрупкость идеальной стороны «инога», будь то другое подобное ему существо, социум или природная среда. Возможно, что данное положение допустимо принять как светско-философскую трактовку фрагмента Евангелия от Матфея: «Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» – Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37-40).

Предпосылкой реальности социальной свободы индивида является устойчивое состояние общества. Основанием для установления оптимальных отношений между личностью и обществом выступает традиция. Личность, бережно, без потерь, и в то же время творчески усвоившая накопленные предшествующими поколениями социокультурные ценности, во взаимодействии с «иным», с обществом в целом и со свойственными ему институтами и составляющими его людьми не только сохраняет собственный жизненный потенциал, но и оказывается способной обогащать его содержание. Попутно она повышает свою устойчивость применительно к социогенным воздействиям объективно негативного, враждебного ей характера.

Человек, оторванный от своих корней, идущий по жизни вразрез с традицией, вынужден испытывать на себе всю разрушительную силу этих воздействий, объективно чуждых ему и иррациональных по своей сути. Данная закономерность распространяется и на социальные общности, являющие собой целостности различного масштаба: если рушатся империи, то миллионы людей переживают свалившиеся на них бедствия. Тем не менее, переходные периоды разви-

тия общества, отличающиеся разбалансированностью системы межчеловеческих отношений, не следует рассматривать только как время ограничения свободы социального индивида. Анализ взаимоотношений между личностью и обществом свидетельствует о наличии диалектики, порождающей и разрешающей революционные ситуации, и тем самым поддерживающей существование социального целого.

Эпохи коллективизма, завершающиеся формированием жестких тоталитарных социальных систем, в которых роль единственного всеподавляющего субъекта выполняет само общество, сменяются эпохами индивидуалистического субъективизма с претензиями отдельных личностей на самодостаточность и с чрезвычайным ростом присущего каждой из них экспансивного потенциала. Господство субъективизма, возвеличивая историческое значение какой-то личности, порождает ее разнузданность, непомерные притязания.

Освободившись от давящей необходимости, от бессмысленного подчинения обществу (когда «ад – это другие», как выразился Ж.-П. Сартр), больные, деформированные социальными влияниями люди бегут от него, как черт от ладана. Отчужденные и самоотчужденные от системы ценностей, влекущей их к себе, но отвергаемой обществом, они переживают довольно-таки продолжительный период субъективизма. Такое положение сохраняется до тех пор, пока в войне всех против всех не сформируются новые общественные отношения, новые системы ценностей.

В кризисные периоды рушатся прежние границы и устанавливаются новые, в рамках которых явственно обнаруживается свобода человеческого существа. Несбалансированность социальной системы может способствовать устранению всего консервативного, сковывающего, вследствие чего закладываются межчеловеческие отношения, значительно отличающиеся от прежних и порой весьма эффективно стимулирующие воплощение в жизнь социально-личностных потенциалов индивида.

Следует отметить, что по-настоящему глубоко верующие люди, которым свойственна нерушимая внутренняя связь «Я» с трансцендентным началом – Богом, обладают весьма высокой жизненной устойчивостью. Общественные бури и потрясения они переживают значительно легче, чем неверующие. Здесь можно вспомнить произведения Н.А. Бердяева, в содержа-

нии которых прослеживается мысль о том, что человек свободен в силу своей органической связи с Богом.

В истории обнаруживается немало примеров неустойчивости и внутренней противоречивости процессов становления свободы целостного человеческого существа. Постоянно меняются мировоззренческие ориентации людей, культивируемые ими идеалы. Более того, для человека сам Мир находится в состоянии острых противоречий. Характерным признаком нашего времени стало возникновение, развитие и распространение новых идей и общественных отношений, на фоне чего великое множество представителей человеческого рода испытывает страх и растерянность, которые лишают их чувства укорененности в бытии, заставляют заглянуть в «ничто».

Политики же в большинстве своем по своему обычаю занимаются мифотворчеством, порождая и культивируя искусственные социальные проблемы, сея ложные страхи, нарушая весьма хрупкий, малоустойчивый процесс гармонизации межчеловеческих отношений. Однако общество и составляющие его индивиды вовсе не обречены на восприятие действительности в виде ее политически-иллюзорных образов. Дело в том, что сопутствующее политическим процессам спонтанное рассеивание неверных представлений о реальном положении вещей в конечном итоге непременно способствует как освобождению людей, так и развитию социальных форм их существования.

Рассуждая о свободе, о ее самых общих основаниях и проявлениях, мы не должны забывать, что человеческие существа уникальны и что и здесь, и во всех иных случаях идея единой для всех и каждого социальной мерки заведомо бесплодна. Следует учитывать также, что уровень социализации нельзя рассматривать в качестве критерия свободы, поскольку нормы, регламентирующие поведение индивидов и их разнохарактерных групп зачастую существенно различаются даже в рамках одной и той же социальной системы. Наличие же в пределах каждой из таких систем множества своеобразных мировоззрений и жизненных укладов еще очевиднее свидетельствует об отсутствии единого пути к свободе.

Социальная среда в подавляющем большинстве конкретно-жизненных ситуаций недвусмысленно ограничивает свободу воли сопряженного с ней индивида. Соответственно

человеческое существо может видоизменять и преобразовывать доступные фрагменты Мира, развивать и реализовывать свои потенции только в рамках социально сложившихся границ. Человек, сочетающий в себе природное, социальное и духовное, в критических ситуациях пытается выдвинуть вперед одну из этих составляющих собственного естества, более или менее осознанно стремясь оказаться неуязвимым для мешающих ему сил.

Для человека совершенно неприемлемо состояние, при котором ни внешняя, ни внутренняя стороны его жизни не приносят ему комфортного самоощущения. Наличие такого состояния неизбежно инициирует сложную, противоречивую и довольно-таки болезненную переоценку усвоенных им ценностей и трансформацию ценностных ориентаций его личности. Но еще менее благоприятной является жизненная ситуация индивида, редуцированного обществом до элемента социума и унифицированного в этом качестве. Границы его свободы, жестко и откровенно насильственно детерминированные обществом, сужены до практически возможного минимума. Например, совокупная власть чиновничества, финансового капитала и откровенно небрежно имитирующей законопослушность «бывшего» криминалитета в условиях постсоветской российской действительности ведут к игнорированию в человеке всего того, что выходит за рамки социально-ситуативно заданной статусно-ролевой репрезентации. Подобную ситуацию применительно к своему времени превосходно характеризует К. Маркс: мир, в котором господствуют деньги, порождает различные виды человеческого отчуждения (от самого себя, от других людей, от продуктов труда и т.п.) [5].

Философия марксизма основаниями свободы полагает культуру и сферу личной жизни человеческого существа. В рамках любой конкретной культуры устанавливаются специфические отношения человека с природой, самим собой и с обществом. Возможность реализации свободы в значительной мере зависит от того, что люди наследуют и осваивают в процессе жизни, из чего складывается их повседневное окружение. Допустим, индивид с момента рождения рос в условиях материальной и духовной нищеты, в атмосфере пьянства, бесконечных семейных ссор и т.п. Присущий ему социально-личностный и собственно индивидуальный уровни обычно заметно ниже, чем у его сверстников, формировавшихся в более благоприятных условиях. Исключе-

нием являются люди весьма яркие, одаренные, прежде всего – гении, напрямую взаимодействующие с миром трансцендентного, способные своим творчеством коренным образом изменить и обогатить любую культуру.

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на различия свободы вообще и свободы личности как социального индивида. Если первая представляет собой совокупность множества персонифицированных возможностей и уже состоявшихся свобод, то вторая зачастую оказывается закрепленной на уровне возможного. Потенции свободы, которые несет в себе человек, могут быть, а могут и не быть реализованы. Очень многое здесь зависит и от самого вовлеченного в межчеловеческие связи индивида и от специфики окружающих его социальных реалий, так как основное условие, при котором свобода может состояться, заключается в наличии состояния тождества, единства своего и иного, индивидуального и надиндивидуального.

Современный уровень развития общества зиждется на весьма глубоком разделении труда. Человек, как правило, довольно-таки явственно ориентирован на одностороннее, узкоспециализированное развитие своих способностей. Он – ученый или музыкант, художник или спортсмен и т.д. Это, вероятно, далеко не самый оптимальный вариант совершенствования человеческого существа, так как в этом случае свои природные, социальные и духовные свойства ему приходится развивать в очень узких рамках должного и возможного, что само по себе надо признать фактором, отграничивающим людей друг от друга. Однако для общества все более тонкая дифференциация труда и занимающихся им людей нередко оказывается формой углубления и расширения его свободы.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что именно граница между индивидами, понимаемая и как межа, отделяющая «нечто» от «иного», и как место единства противоположностей внешнего и внутреннего, сущности и явления, позволяет кооперированной человеческой общности глубоко проникать в царство свободы. Граница, с одной стороны, разъединяет, а с другой – объединяет, способствует возникновению нового. Она фиксирует конечность качества и одновременно выявляет то, что данному качеству присуще множество внутренних определений.

Свобода как раз и проявляется в пограничной ситуации. Человек не может рассчитывать на вечное царство свободы и не должен утрачи-

вать своего критического настроения относительно жизненных реалий. В нашей стране в наиболее ярко выраженной форме это настроение демонстрирует интеллигенция, по своей сути призванная обнажать угнетающие людей подспудные социальные противоречия и искать возможность их достойного разрешения.

Между обществом и личностью идет непрерывающаяся борьба, приводящая к тому, что либо общество увеличивает свою мощь и свободу за счет личности, либо личность – за счет общества. Личность и общество выступают как принципиально неизоллируемые противоположности внутри единого мира социальности. Поэтому при исследовании свободы в социально-личностном измерении не стоит, надо полагать, рассматривать социального индивида и общество безотносительно друг к другу, причем даже с гугубо инструментальными целями.

Каковы же социальные пределы индивидуальной свободы и возможно ли ее проявление при рассогласованности отношений человека с обществом? Если общество, по мысли Э. Фромма, выходит из-под контроля людей, то оно уже управляет ими. В такой ситуации выступающий как личность человек отчуждается и от общества, и от самого себя как целостного существа. Он неминуемо оказывается перед выбором: либо невзирая ни на какие трудности бороться за свою свободу, либо отвергнуть ее, тем самым отказавшись от себя, встав на позицию конформизма. Фромм пишет: «Подавление спонтанных чувств – а следовательно, и подлинной индивидуальности – начинается очень рано, по существу, с самого начала воспитания ребенка» [10, с. 202]. Минимизация самостоятельности мышления, к которой обычно тяготеет человек, продолжается в сфере образования посредством систематического перенасыщения его сознания информацией. Способствует нивелированию человеческой индивидуальности и излишний релятивизм, ориентированный на относительность истин. Впрочем, это далеко не все те мешающие самостоятельному мышлению факторы, о которых вспоминает философ. Человек, как он утверждает, должен бороться и за себя, за собственную свободу, и за свое социальное окружение, так как «общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию создания личности» [10, с. 21].

Безусловно проблемные вопросы подобного рода встают перед людьми не только в теоретической форме, но и практически пережива-

ются ими в реально-жизненных ситуациях. А.И. Солженицын в романе «В круге первом» рассматривает проблему индивидуальной свободы человека следующим образом. Инженер Бобыкин говорит министру госбезопасности Абакумову: «У меня ничего нет, вы понимаете, – нет ничего! Жену мою и ребенка вы уже не достанете – их взяла бомба. Родители – уже умерли. И имущества у меня всего на земле – носовой платок и комбинезон и вот белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) – казенное. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима – чем еще вы можете мне угрожать, чего еще лишить?.. Вообще поймите и передайте там, кому надо выше, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не все. Но человек, у которого вы отобрали все – уже не подвластен вам, он снова свободен» [9, с. 64-65]. В данном случае свобода литературного героя (как и множества его реальных прототипов) становится недоступной для сильных мира сего; для них она переходит в «ничто», но для него самого сохраняется как «нечто».

Возможность обретения человеком свободы обусловлена множеством предпосылок: правильно выбранной профессией, социальным положением и т.д. В. Виндельбанд, ведущий изыскания в данном направлении, не случайно обращает особое внимание на прояснение истоков мотивации человеческих поступков. Выступая последовательным противником чисто внешнего детерминизма, согласно которому человек в своих волениях находится в полной зависимости от внешнего мира, философ тем не менее заявляет: «Но такого внешнего детерминизма не проповедовал еще ни один более или менее мыслящий человек <...> Если же мы под детерминизмом или, чтобы точнее выразиться, под «внутренним детерминизмом» будем понимать то учение, согласно которому преходящие и постоянные мотивы в своей совокупности составляют все содержание нашей воли и определяют наш выбор, то в таком случае мы все детерминисты» [1, с. 559].

Анализ свободы в социально-личностном измерении показывает, что в каждую историческую эпоху перед человечеством встает задача создать новую модель свободы, и что становление социальной свободы человеческого суще-

ства протекает неравномерно. Социальная среда, представляющая собой одну из основных форм инобытия, выступает весьма важным фактором становления человеческой свободы; она то ограничивает возможности творческого самоопределения сопряженного с ней индивида, то недвусмысленно способствует их воплощению в жизнь. Рассматривая основные формы проявления индивидуальной свободы личности применительно к социальным реалиям, надо отметить, что в одних случаях люди чаще стремятся обрести свободу с помощью весьма сходных средств, в других же, напротив, каждый ока-

зывается воистину уникальным в своих устремлениях и во многом свободным от общества. В типичных разновидностях коллективистской свободы индивидов преимущественное проявление находят отношения между социальными группами, членами которых они являются. Разумеется, никто из людей не может быть абсолютным индивидуалистом или коллективистом; тут следует вести речь о наличии индивидуалистической или коллективистской тенденций в свободе, поддающихся рассмотрению в социально-личностном измерении.

28.11.2011

Список литературы:

1. Виндельбанд, В. О свободе воли // Избранное: Дух и история / В. Виндельбанд. – М.: Юрист, 1995. – С. 508–654.
2. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии религии // Философия религии: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 203–530.
3. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 3–590.
4. Ленин, В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 26. – С. 351–355.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
6. Мунье, Э. Персонализм / Э. Мунье. – М.: Искусство, 1992. – 143 с.
7. Платонов, С. После коммунизма / С. Платонов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 256 с.
8. Руссо, Ж.-Ж. Фрагменты и наброски // Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – С. 407–460.
9. Солженицын, А.И. В круге первом: роман / А.И. Солженицын // Новый мир. – 1990. – №1. – С. 5–94.
10. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.

Сведения об авторах: **Беляев Игорь Александрович**, доцент кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: igorbelyaev@list.ru

Максимов Александр Михайлович, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, доцент e-mail: maksimov55@mail.ru

UDC 14**Belyaev I.A., Maksimov A.M.**

Orenburg state university, Orenburg state agrarian university, igorbelyaev@list.ru, maksimov55@mail.ru

FREEDOM OF HOLISTIC HUMAN IN SOCIAL-PERSONAL MEASURING

The article is devoted to research of the freedom of man as personality, which is realized in the society. Based on the alternative views of philosophers of different ideological orientations, the authors examine the social freedom in relation to the processes of assimilation and alienation, and the establishment and overcoming boundaries, with the features inherent to man, society and relations between them.

Key words: man, freedom, society, personality, social-personal measuring.

Bibliography:

1. Windelband, W. On the free will // Selected: The Spirit and history / W. Windelband. – M.: Yurist, 1995. – P. 508–654.
2. Hegel, G.V.F. Lectures on the philosophy of religion // Philosophy of Religion: in 2 v. / G.V.F. Hegel. – M.: Thought, 1976. – V. 1. – P. 203–530.
3. Hobbes, T. Leviathan, or matter, form and power of the state Church of civil and // Works: in 2 v. / T. Hobbes. – M.: Thought, 1989. – V. 2. – P. 3–590.
4. Lenin, V.I. The Slogan of the United States of Europe // Complete Works / V.I. Lenin. – M.: Politizdat, 1969. – V. 26. – P. 351–355.
5. Marx, K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 // Works / K. Marx, F. Engels. – M.: Politizdat, 1974. – V. 42. – P. 41–174.
6. Mounier, E. Personalism / E. Mounier. – M.: Art, 1992. – 143 p.
7. Platonov, S. After Communism / S. Platonov. – M.: Young Guard, 1989. – 256 p.
8. Rousseau, J.-J. Fragments and sketches // Treaties / J.-J. Russo. – M.: Nauka, 1969. – P. 407–460.
9. Solzhenitsyn, A.I. First Circle: A Novel / A.I. Solzhenitsyn // New World. – 1990. – №1. – P. 5–94.
10. Fromm, E. Escape from freedom / E. Fromm. – M.: Progress, 1990. – 272 p.